

4 июня 2024 г. в Институте философии РАН состоялся круглый стол, посвященный памяти А.П. Огурцова (10 лет со дня смерти), в котором участвовали С.С. Неретина (модератор), В.И. Аршинов, В.А. Бажанов, Ф.Н. Блюхер, В.П. Макаренко, Н.Н. Мурзин, А.И. Неретин, А.А. Парамонов, Е.С. Петриковская, В.М. Розин, П.Д. Тищенко, К.А. Томилин.

Презентация книг, непосредственно связанных с этим событием: А.П. Огурцов. «Отчуждение, рефлексия, практика» (М.: Голос, 2024); «Сила, насилие, культурная травма» (М.: Голос, 2024).

Отчуждение и рефлексия как опознание вещи. Предуведомление к обсуждению

Неретина С.С.,
д. филос. н., Институт философии РАН, Москва,
главный научный сотрудник, профессор,
главный редактор журнала Vox
abaelardus@mail.ru

Аннотация: В предуведомлении к открытию Круглого стола автор сообщает о том, что представляемые книги, изданные в память А.П. Огурцова¹, есть ответы на его статью «Поражение философии». Парадокс в том, что одна из книг — это его собственный ответ из 1967 г. на это еще не случившееся поражение, другая создана его коллегами спустя десятилетие после его ухода из жизни. Обращается внимание на то, что книга А.П. Огурцова есть возможное объяснение 11-го тезиса Маркса о Фейербахе.

Ключевые слова: А.П. Огурцов, отчуждение, рефлексия, практика, 11-й тезис Маркса, критика понятий, мир, слово.

1

Прежде всего я хотела бы выразить благодарность участникам Круглого стола за память об Александре Павловиче Огурцове и участие в создании книги «Сила, насилие, культурная травма», которая стала ответом на последнюю статью Огурцова «Поражение философии».

Когда я готовила книгу «Отчуждение, рефлексия, практика», которая представляет собой его диссертацию на соискание степени кандидата философских наук и состоит из трех его статей, к тому времени размещенных в т. 3 пятитомной Философской энциклопедии, вышедшей в 1960–1970-х гг. под редакцией Ф.В. Константинова, я была поражена необыкновенным профессионализмом молодого философа. Более того, поражена

¹ См.: Огурцов А.П. Отчуждение, рефлексия, практика / Отв. редактор, вступ. статья, прим., ук. С.С. Неретиной. М.: Голос, 2024; Сила, насилие, культурная травма. М.: Голос, 2024.

актуальностью поставленных проблем и их своевременностью. Даже повторы — это, как у Хайдеггера, повторы для напоминания и уточнения. Или: чтобы остались, если другие части книги почему-то исчезнут. Эту увлеченность захваченной мыслью надо понять, ибо не все мысли, захватывающие тогда, могут быть осознаны как захватывающие сейчас. Об этом писал В.В. Бибихин², не зная или не упоминая, как Г.П. Щедровицкий переписывал Маркса. Бибихина — уж точно — больше интересовало переписывание мальчиком «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

И все же даже неизбежные, казалось бы, поклоны в стороны господствующей в то время идеологии у Александра Павловича не раздражающи, ибо его в принципе интересовали не обязательные ссылки на классиков марксизма, а мысль этих классиков. Если не учитывать такого его отношения к любой мысли (а оно было в его натуре) — легко свести его к сонму адептов. И **не понять**. В предисловии к книге я об этом написала, хотя надо было бы отметить и вызов, обращенный к читателям, требование «второго глаза», ответа на собственный вызов.

В моей жизни таким «глазом» довольно долго был В.С. Библер, диалог с которым часто приводил к существенному концептуальному пересмотру статьи или книги. Собственно, это и есть исследование. В Средние века многие трактаты начинались с посвящения другу, кем бы он ни был, которого просили не только прочесть созданное, но и исправить, если найдутся, ошибки. Ожидали, разумеется, не уничтожающего разноса, а внимательной критики. Хотя была и уничтожающая критика: Иоанн Росцелин, осмелившийся возразить Ансельму Кентерберийскому в вопросе об универсалиях, едва ли потом не был объявлен еретиком, хотя его эскапада спровоцировала продолжавшийся несколько столетий спор об универсалиях. Реально происходила троичная перекомпоновка мира: с позиций реализма, концептуализма и номинализма с разными центрами притяжения: Бога Отца, который до всякой земной вещи (*ante rem*), Иисуса Христа, представлявшего общее как конкретную вещь (*in re*), и человека, творящего и именующего вещь после понимания того, какова она есть (*post rem*).

2

Именно на критику понятий нацелена и книга Александра Павловича; изменение их содержания и места в системе понятий, выраженных через язык, речь, слово, вело и к изменению представлений о мире и самого мира. Фактически в книге неявно проводилась мысль, проверяющая 11-й тезис Маркса (из Тезисов о Фейербахе), — о том, что до сих пор «философы лишь по-разному объясняли мир, хотя дело в том, чтобы изменить его»³. Этот тезис волновал многих философов или, если не волновал, то во всяком случае был в фокусе их внимания. Так, например, В.В. Бибихин, который пишет о том, что смысл философии в ее нищете, исключаяющей какое бы то ни было потребительское отношение, и что у нее одно лишь спасительное влечение — бездумно потянуться пером к бумаге, чтобы записать захватившее просто так, без и до всякой критики, все же пишет о «нашем положении», т. е. пишет вовсе не бездумно и просто так, пишет об 11-м тезисе Маркса,

² См.: Бибихин В.В. Нищета философии // Наше положение. Образ настоящего. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000. С. 44.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 4.

который продумывал применительно (т. е. утилитарно) к нашей современности. Бибахин считает неверной первую половину тезиса. Не философия объясняла мир, который невидим, ибо она, на его взгляд, «остерегалась объяснять мир; самое большее, на что она замахивалась, было видеть мир. Мир невидим»⁴. Но дело не в способе видеть невидимое, часто мы только это и делаем. Дело в том, как понимать «видеть». Слова Бибахина можно понять, что «видеть» — это не так уж много («самое большее, на что она замахивалась»). Но спекулятивное знание трехмерно: естественное, математическое и теологическое. При этом постигаются и вполне видимые вещи, которые предоставляют весомые аргументы для утверждения бытия мира невидимого. Средневековые книги полны комментариев. Само слово «комментарий» означает «осмысление». Комментарии были разные: буквальный, символический, мистический, аллегорический, тропологический... Они позволяли видеть разные миры, мыслью и словами подготавливая это видение. Можно, конечно, сказать, что речь шла о теологии, но она входила в содержание спекулятивного знания наряду с математикой и естествознанием, исследующим вещи в движении, которое многовидно. И все это называлось философией, которая является Божеством вовсе не нищей и не в яме, а в блеске своей красоты. К тому же, подчеркну это, для христианина земной мир — это видимые феномены Бога, доказательства его невидимого и неведомого существования. Но вот можно ткнуть пальцем в стену, и пальцу станет больно. Боль невидима, но ощущение боли телесно. Гильельм Католаунский ощущал едва ли не на зубах плоды райского сада, утверждая, что еда — это равно плотская и духовная пища. Между тем, по Бибахину, «работа со словом кончается, когда начинается событие. Мы не можем анализировать слово-событие, потому что единственное, чем мы могли бы его понять, это оно же само. Нет больше средств. Вы скажете: мыслью, которая может быть и без языка. Но не без смысла, а смысл это уже готовое слово. Мысли не на что опереться, кроме как на смысл или на отсутствие смысла. Опираясь на отсутствие смысла, мы имеем дело со смыслом. Слово стоит на смысле»⁵. То есть на том самом комментарии, который всегда уже есть и объяснение, преподанное философом.

Это о первой половине Марксова тезиса. Но вот что говорит Владимир Вениаминович о второй половине, которая тоже странная. «Дело заключается в том, чтобы изменить его». Чье дело заключается в этом? Дело философии, по-видимому. Она должна перестать быть нищей. Она должна перестать нищенствовать. Она должна взяться за изменение мира. С миром надо что-то делать. Нищая философия оставляла его какой есть»⁶. Да нет, не о том речь, а о том, что она, знает он об этом или нет, наполнила собой и душу, и тело нищего класса. Подлежащее первой части не есть подлежащее второй. Можно прочесть так: философия объясняла мир, но вообще-то его надо изменить, и изменять будет не философия, а нищий класс, который, может быть, сумеет соединить дело со словом, т. е. сложить все в мысль, которая неделима. Он и она, по Марксу и не только, действительно должны стать «рычагом изменения мира» — нищета с нищетой. Вот только при попытке соединения дело изменило философию, скукожило ее. И тогда — действительно — не Маркс, а «марксизм», сведенный к ленинизму, «бульдозером пройдя по планете, еще долго доказывал могущество

⁴ Бибахин В.В. Нищета философии // Наше положение: С. 48.

⁵ Там же. С. 43.

⁶ Там же. С. 48.

философии». Он постепенно ослабевал. Он нашел себе почву в стране, имевшей опыт нищеты и чутье к ней», показав при этом, что «нищета не безобидная вещь»⁷.

Я полагаю, однако, что перекося в рассуждении, если вообще в этих случаях можно говорить о перекосах (увлеченность мыслью дорогого стоит), заключается в том, что многоярусные объяснения мира уже тем самым его меняют. Здесь дело не в том, что философия сначала объясняла мир, а теперь должна его изменить, и не в том, что философия объясняет мир, а изменить его должны не философы, а в тождестве первой и второй половины тезиса. Объяснить — значит уже изменить, сделать непонятое понятным, т. е. другим.

3

Александр Павлович, даже не упоминая 11-й тезис Маркса, но держа за пазухой (в то время его знали и думали о нем все), показывал исследованием языковых теорий, как изменялся мир, всегда ждущий изменения. Вопрос о понимании потому столь же насущный, как разработка понятия практики через призму отчуждения и рефлексии, как представление об исконной перформативности слова, позволяющего раздирать себя на речь и дело, будучи со-бытием (совместным бытием) словоделия.

Мы подчас, однако, рассматриваем как синонимы то, что на деле разное (мир, космос, универсум), но что просвечивает друг через друга и что, если замечается, то или как свидетельство многозначности термина, или как некая его окрашенность, уточняющая и утончающая общий смысл, творчески преобразующая его. Мы любим ставить акцент на творчестве (из ничего к бытию), не зная, не умея объяснить, что это такое, хотя и при рождении (от бытия к бытию) получается и подобие, и совсем новое и удивляющее. В рождении есть нечто от творения, хотя бы такая простая мысль, известная любой семье или *паре*, «а не завести ли нам дитя». В этом часто обругиваемом выражении содержится и «весть», и «ведение», предполагающее использование разных физических, ныне доступных способов, производимых не без помощи искусства.

Предложение Павла Дмитриевича Тищенко, прозвучавшее на прошлом Круглом столе, темой которого была «Сила, насилие, культурная травма» (по его материалам была издана ныне представляемая одноименная книга), состояло в необходимости обратить внимание на такую составляющую человеческой жизни, как *memento nascendi*; оно было выдвинуто не в качестве замены, а в качестве альтернативы *memento mori*. Слово *nasci* происходит от *gnasci*, *gen-asci*, *gn* (*ar* — *to share, distribute*, «распределять»). *Scientia* («знание») раньше употреблялось наравне с *ars*, искусством, но тем не менее «знание для каждого искусства свое». Поскольку мы плохо знаем не только латынь или европейские языки, но и свой, в котором и с которым живем, то не всегда ясно, что и как мы переводим, с чем спорим или не спорим, если приспособливаем текст для себя, «для нас», как раньше говорили. Спор получается всегда с чем-то безличным. С тем, что само по себе, и это «само по себе», находящееся *между строк* в том тексте, что мы читаем, как нечто само собой разумеющееся, но не образующее корреспонденции между фактом и истиной, чего жаждали

⁷ Там же. С. 49.

древние и не только древние философы. Опыт чтения Маркса и писания о Марксе свидетельствует, что возможны противоположные понимания его учения. Гефтер, например, считал, что «Манифест коммунистической партии» «рухнул в одночасье» из-за того, что случившиеся в его время европейские кризисы не переросли в европейскую революцию⁸. Между тем мы до сих пор преподносим этот документ студентам как аутентичный всему учению Маркса.

4

Чтобы напомнить, как часто не совпадают наше знания о предмете с самим предметом (они живут самостоятельно, не зная друг о друге), я хотела бы рассказать о событии, которое лишь на первый взгляд не имеет отношения к работающей мысли Александра Павловича. Это событие произошло со мной лично однажды в уже далеком 1989 г. во время поездки в Италию, где я прочитала несколько лекций, одну из них — в Миланском университете. В качестве подарка меня пригласили посетить картезианский монастырь (XIV–XVI вв.), расположенный по дороге из Милана в Павию, так называемую Павийскую чертозу, где находятся гробницы основателя монастыря Джан Галеаццо Висконти и герцога Милана Лодовико Сфорца. Монастырь действующий. Монахи живут каждый в отдельной двухэтажной келье, где есть своя трапезная, покои и место для занятий, в основном — чтения. В свое время я переводила «Схоластическую историю» Петра Коместора (XII в.), Пролог к которой может быть прочитан с двояким смыслом — религиозным и светским, профанным: «в храме Господа и Повелителя надлежит иметь три палаты: трапезную, покои и аудиторию» и «в хоромы господина императора надлежит иметь три залы: аудиторию, пиршественный зал и спальню». Я понимала это чисто символически, мистически, аллегорически, тропологически, но оказалось, что это и буквально так: вот стоят отдельные домики-кельи для каждого монаха, стеной соединенные воедино. Смутившись духом, я согласилась с моей вожатой поехать (поплыть в густом тумане) в Павию, ибо транспорт в Милан не ходил из-за этой воздушной вязкости. Меня, медиевиста, почему-то не слишком тронула перспектива (не забилося ретивое) попасть в этот город, но мы не только туда попали, но и неожиданно оказались перед некой стеной, почти призрачной за туманом. С трудом прочли слова «св. Петр на золотом небе» (*San Pietro in Ciel d'Oro*) и вошли. Как у всякого визитера, впервые попавшего в Италию, было подавляемое чувство безмерного удивления, когда увидела надгробия лангобардских королей и св. Северина. И лишь когда в коричневом свете появился монах со словами «*scripta bassa*» и мы начали спускаться вниз, безмерное удивление сменилось столь же безмерным, но неподавляемым восхищением, сдвигом души, когда действительно «взыграло ретивое»: внизу была рака с мощами св. Августина, а надгробие вверху принадлежало Боэцию. Именно в этот момент случилось то, что называется корреспондентской теорией истины, соответствие истины некоему реальному факту. Они оказались задетыми друг другом, и это не сразу нашло соответствие в моей мысли, в моей памяти, в моем сознании, хотя именно я, повторю, — медиевист, всякий раз, рассказывая об Августине или Боэции в аудитории,

⁸ Гефтер М.Я. Третьего тысячелетия не будет. М.: Европа, 2025. С. 125.

повторяла эти факты их биографии, разумеется, вспоминая Павию. Но, видимо, без внутреннего отклика. И вот теперь сошлись — глядевшая на меня реальность и знание о ней. Как говорил Хайдеггер, присутствие, его *место* задевает человека настолько, что делает настоящим то, что давно отсутствует; при этом то, что тебя задело, не сразу может быть опознано как задетое, неведь что может всполошить тебя и заставить вспомнить серьезность задетости и ее толщ⁹. Александр Павлович, когда что-либо писал, всегда пребывал в такой захваченности предметом, что, казалось, его можно было принять за адепта задевшей его теории, если бы не его собственная мысль, последовательно распутывавшая узлы, находившая аргументы за и против, свободно гуляя по безбрежности собственных неизвестно где хранящихся знаний, именно поэтому не позволяя себе войти в пределы приблизительности и нестрогости. Его мысль искала соответствий без аффектов и объясняла встреченные несоответствия.

Литература

1. Биbihин В.В. Ницета философии // Наше положение. Образ настоящего. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000.
2. Гефтер М.Я. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством. Разговоры с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М.: Изд-во полит. литературы, 1955.
4. Огурцов А.П. Отчуждение, рефлексия, практика / Отв. ред., вступ. статья, прим., именной ук. С.С. Неретиной. М.: Голос, 2024.
5. Сила, насилие, культурная травма / Отв. редактор С.С. Неретина. М.: Голос, 2024.
6. Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / Сост., перевод, вступ. ст., комментарии, указ. В.В. Биbihина. М.: Республика, 1993. С. 398 и др.

References

1. Bibihin V.V. Nishcheta filosofii // Nashe polozhenie. Obraz nastoyashchego. M.: Izd-vo gumanitarnoj literatury, 2000.
2. Gefter M.YA. Tret'ego tysyacheletiya ne budet. Russkaya istoriya igry s chelovechestvom. Razgovory s Glebom Pavlovskim. M.: Evropa, 2015.
3. Hajdegger M. Vremya i bytie // Hajdegger M. Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya / Sost., perevod, vstup. st., kommentarii, ukaz. V.V. Bibihina. M.: Respublika, 1993. S. 398 i dr.
4. Marks K. i Engel's F. Soch. T. 3. M.: Izd-vo polit. literatury, 1955.
5. Ogurcov A.P. Otchuzhdenie, refleksiya, praktika / Otv. red., vstup. stat'ya, prim., imennoj uk. S.S. Neretinoj. M.: Golos, 2024.

⁹ См., напр.: Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / Сост., перевод, вступ. ст., комментарии, указ. В.В. Биbihина. М.: Республика, 1993. С. 398 и др.

6. Sila, nasilie, kul'turnaya travma / Otv. redaktor S.S. Neretina. M.: Golos, 2024.

Alienation and reflection as recognition of a thing. Discussion notice

Neretina S.S.,
D. Philosopher Sc., Institute of Philosophy RAS, Moscow,
chief researcher, professor,
editor-in-chief of Vox magazine
abaelardus@mail.ru

Abstract: In the pre-notification for the opening of the Round Table, the author reports that the presented books, published in memory of A.P. Ogurtsov, there are answers to his article “The Defeat of Philosophy”. The paradox is that one of the books is his own response from 1967 to this defeat that has not yet happened, the other was created by his colleagues a decade after his death. Attention is drawn to the fact that the book by A.P. Ogurtsov has a possible explanation for Marx’s 11th thesis about Feuerbach.

Keywords: A.P. Ogurtsov, alienation, reflection, practice, Marx’s 11th thesis, criticism of notions, world, word.